

На правах рукописи

Даниэль Михаил Александрович

ТИПОЛОГИЯ АССОЦИАТИВНОЙ МНОЖЕСТВЕННОСТИ

Специальность 10.02.20

Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное
языкознание

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2000

Работа выполнена на кафедре теоретической и прикладной лингвистики факультета теоретической и прикладной лингвистики Российского государственного гуманитарного университета

Научный руководитель:

кандидат филологических наук, доцент
А.Н. Барулин

Научный консультант:

кандидат филологических наук, доцент
И.А. Муравьева

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор
А.Е. Кибрик
кандидат филологических наук
Н.Р. Сумбатова

Ведущая организация:

Институт языкознания РАН

Защита состоится “ ” г. в часов на заседании диссертационного совета К.064.49.06 в Российском государственном гуманитарном университете по адресу: Москва, Миусская пл., 6

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Российского государственного гуманитарного университета по адресу: Москва, Миусская пл., 6

Автореферат разослан “ ” года

Ученый секретарь
диссертационного совета

Муравенко Е.В.

Настоящая диссертация посвящена явлению, получившему в лингвистической типологии название ассоциативной множественности¹ (ассоциативности). Ассоциативная форма имени N (ассоциатив) обозначает множество объектов, включающее референт имени N и связанные с ним объекты, – например, нивхская форма *Xevgun-gu* ‘Хевгун и его родственники’, ‘Хевгун и его спутники’, где Хевгун – имя собственное. Как способ обозначения множества объектов, ассоциативная форма имени N противопоставляется форме стандартной (аддитивной) множественности, которая обозначает множество, состоящее из нескольких объектов, каждый из которых является референтом имени N – например, *собаки*. В диссертации также анализируются проблемы смежной с ассоциативной множественностью категории числа личных местоимений (местоименной множественности) и, в частности, проблемы типологии инклюзива.

Актуальность исследования. Несмотря на постоянно растущий интерес лингвистов к типологии именных категорий вообще и категории числа в частности, ассоциативность, впервые отмеченная еще в описательных грамматиках девятнадцатого века, остается слабо изученным феноменом. Типологическое исследование ассоциативности началось в последние десять лет и в основном связано с именем американской исследовательницы Эдит Моравчик², результаты которой мы активно используем в своей работе. К настоящему моменту, однако, далеко не все аспекты типологии ассоциативности успели стать объектом теоретического осмысления.

Новизна исследования. Диссертация является первым монографическим исследованием по данной теме. В ходе работы были получены следующие результаты:

- 1) сформулировано и обосновано положение о том, что ассоциативность является структурно-семантическим подтипом более широкого феномена – репрезентативной множественности (см. ниже);
- 2) выделены основные типологические параметры ассоциативности;
- 3) предложено объяснение важнейшего для типологии ассоциативной множественности феномена – ассоциативной интерпретации показателя аддитивной множественности;
- 4) определена и обоснована репрезентативная модель категории числа личных местоимений;
- 5) предложена опирающаяся на эту модель мотивация референциального поведения личных местоимений множественного числа в синтаксических конструкциях типа русск. *мы с тобой [вдвоем]* (сложные именные группы, состоящие из двух или более именных групп, такие, что референция одной из простых именных групп полностью

---

¹ В русскоязычной традиции также: репрезентативная, эллиптическая или ограниченная множественность.

² Moravcsik, Edith. Group plural – associative plural or cohort plural. Email document, LINGUIST List: Vol-5-681. 11 June 1994. ISSN: 1068-4875.

вложена в референцию другой; ниже такие конструкции именуются конструкциями с поглощенным референтом);

б) внесен ряд существенных корректировок в типологию местоименных систем; в частности, уточнена функциональная природа инклюзивного местоимения.

Объектом исследования являются, во-первых, формы ассоциативной множественности, во-вторых, системы личных местоимений (в плане выражения категории числа) и, в-третьих, конструкции с поглощенным референтом в языках мира.

Целью исследования является построение объяснительной типологии ассоциативности и определение ее места по отношению к репрезентативной, аддитивной и местоименной множественности.

Задачи исследования. Для достижения указанных целей были поставлены следующие задачи:

- 1) выделить набор параметров, позволяющих выстроить пространство типологических возможностей ассоциативности как морфологической категории в конкретных языках;
- 2) выявить основные функционально-семантические типы репрезентативной множественности и определить, какое место среди них занимает ассоциативность;
- 3) исследовать распределение ассоциативной и аддитивной интерпретации множественности в тех языках, где они выражаются одним показателем;
- 4) предложить обновленную типологию систем личных местоимений в языках мира, опирающуюся на ассоциативную интерпретацию категории числа личных местоимений.

Теоретическая значимость исследования. Диссертация позволяет перейти к качественно новой стадии изучения категории числа личных местоимений в языках мира: благодаря репрезентативной модели местоименной множественности нами были вскрыты неожиданные языковые типы, эффективная функциональная интерпретация которых вне предлагаемого подхода, по всей видимости, вообще невозможна.

Практическая значимость. Результаты диссертации могут привлекаться для сбора данных при описании языков различного типа. Теоретическая неразработанность темы ассоциативности в грамматической типологии приводит к недостаточно подробному описанию исследователями употребления ассоциативных форм в тех языках, где наличие таких форм зафиксировано. Во многих случаях дескриптивные грамматики языков с ассоциативностью вообще обходят молчанием существование ассоциативных форм.

Материалом для исследования послужили данные ареально, структурно и генетически различных языков, в том числе индоевропейских, уральских, алтайских, языков Кавказа, палеоазиатских, сино-тибетских, отдельных полинезийских, америндских, австралийских и африканских языков. В числе языков, материал из которых анализируется более подробно, можно отметить багвалинский [аваро-

андийский < нахско-дагестанский], **грузинский**³ [картвельский], пулар-фульфульде [западноатлантический], татарский [тюркский] в главе 1 и русский в главе 3.

Метод исследования. Диссертация опирается в основном на анализ данных описательных грамматик и индивидуальные консультации экспертов по конкретным языкам, а также на результаты, полученные автором исследования в ходе работы с носителями ряда языков (багвалинский, татарский, **грузинский**, пулар-фульфульде, **сонгай**).

Апробация работы. Основные результаты и выводы настоящей работы были изложены и обсуждены в серии докладов, прочитанных на следующих конференциях и семинарах: материал Главы 1 – доклад на заседании Московского Типологического Общества, МГУ, Москва (февраль 1999 г.); доклад на конференции “Диалог–98”, Таруса (октябрь 1998 г.); доклад в университете Милуоки, Висконсин (апрель 1999 г.); доклад на конференции “Африканистика сегодня”, Институт Языкознания РАН, Москва, (сентябрь 1999 г.). Материал Главы 2 - на конференции Соросовских аспирантов в Голицыно (март 1998 г.); на конференции по когнитивной типологии, университет Антверпена, Бельгия (апрель 2000).

Структура работы. Работа состоит из Введения, трех глав, приложения “Выборка языков проекта World Atlas of Linguistic Structures”, Указателя языков и Библиографии.

Введение посвящено изложению общего состояния знаний об ассоциативности и типологического фона, на котором проводится настоящее исследование. В сжатом виде представлены основные результаты работы, касающиеся типологии ассоциативности и типологии личных местоимений, и наблюдения над типологией конструкций с поглощенным референтом; выявлена связь последней с общей типологией ассоциативности. Сформулированы центральные проблемы, которые не были решены в предшествующих исследованиях и на решение которых в первую очередь сориентирована диссертация.

Первая глава (“Именная ассоциативность”) диссертационного исследования посвящена типологическому анализу именной ассоциативности.

1.1. Репрезентативная множественность. Предложены определения репрезентативной множественности (репрезентативности) и ассоциативности. Репрезентативность определена как такой способ обозначения множества объектов, при котором эксплицитно называется лишь один из его элементов⁴. Например, в татарской форме *Ahmet-ler* ‘Ахмет и другие’ (букв. форма множественного числа от имени собственного *Ahmet*) эксплицитированным референтом является лишь Ахмет. Мы будем говорить, что основа *Ahmet* формы *Ahmet-ler* референтна только на одного из членов обозначаемой совокупности – Ахмета, а референция к другим членам

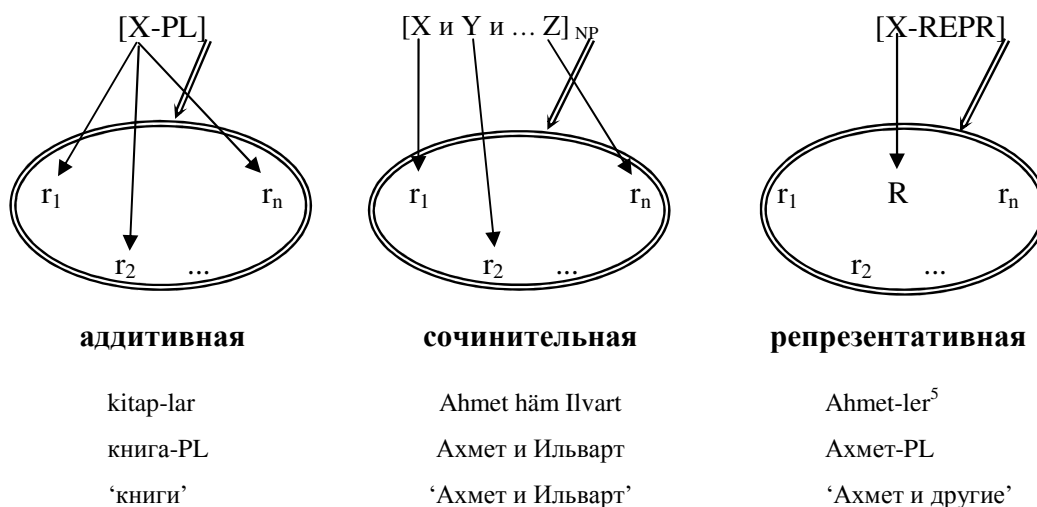
³ Полу жирным шрифтом выделены названия языков, входящих в выборку проекта WALIS; подробнее см. ниже на стр. 7.

⁴ Понимание ассоциативности как номинации типа *pars pro toto* предлагалось в работах Кацнельсон, С.Д. Историко-грамматические исследования. М.-Л.: АН СССР, 1949 и Барулин, А.Н. Категория числа в местоимениях // Исследования в области грамматики и типологии языков, В.М. Андрияшченко (ред.). М.: МГУ, 1980. Близкие идеи высказала в устной беседе Э. Моравчик.

совокупности осуществляется грамматическими средствами (в данном случае, показателем множественного числа *-ler*). Я буду говорить также, что в формах, подобных *Ahmet-ler*, референция к Ахмету носит лексический, а к остальным членам группы – грамматический характер.

На этом основании репрезентативную множественность как структурный тип множественной референции можно отличить от других типов множественной референции: аддитивной и сочинительной. В случае аддитивной множественности (например, в русской словоформе *собаки*) референция к каждому элементу обозначаемого множества носит лексический характер, так как каждый из них является референтом основы *собак-*. В случае сочинительной множественности (например, в русской конструкциях *Коля с детьми* или *Коля и Маша*) референция к каждому элементу обозначаемого множества также носит лексический характер; отличие от аддитивной множественности заключается, очевидно, в том, что референция к разным объектам связана с разными субстантивными основами. В отличие от репрезентативности, и в случае аддитивной, и в случае сочинительной множественности все элементы совокупности оказываются эксплицированными. Ср. структуру референции нескольких татарских именных групп на следующей схеме:

Типы множественной референции

1.2. Типы репрезентативной множественности. Так как репрезентативная множественность характеризуется эксплицированием (лексической референцией) лишь одного из элементов обозначаемого множества, возникает вопрос, каким образом адресат “комплектует” референцию формы репрезентативной множественности. Способ комплектации служит основанием для выделения несколько подтипов репрезентативности.

⁵ Показатели множественного числа *-lar* ~ *-ler* являются сингармоническими вариантами.

Во-первых, форма репрезентативной множественности может обозначать замкнутую совокупность объектов, неэксплицированными элементами которой являются объекты, связанные с эксплицированным элементом устойчивыми отношениями. Примером может служить багвалинская форма *saʔit-āri* 'Саид и его семья'. Адресат комплекзует референцию такой формы, актуализируя устойчивые группообразующие отношения, одним из полюсов которых является эксплицированный референт. Репрезентативность этого типа предлагается называть ассоциативной множественностью, или ассоциативностью; формы, имеющие ассоциативную структуру множественной референции, – ассоциативными формами (ассоциативами); эксплицированный референт – фокусным референтом; неэксплицированные референты – ассоциированными референтами. В обобщенном виде значение ассоциативной формы можно записать как 'X и его группа' ('X and his associates').

Вторым частым случаем репрезентативности является обозначение открытого класса объектов, состав которого определен сходством с эксплицированным референтом. Примером может служить **вьетнамская** именная группа *những A-ra-gông* 'Арагон и другие (подобные ему) писатели'⁶. Адресат заполняет референцию такой репрезентативной формы опираясь на свойства эксплицированного референта. Репрезентативность этого типа предлагается называть симилятивной репрезентативностью, соответствующие формы – симилятивами, а эксплицируемый симилятивом референт – прототипическим референтом. Значение формы симилятива в самом общем виде можно записать как 'X и т.п.' ('X etc.').

Еще одним структурным подтипом репрезентативной множественной референции является обозначение множества объектов, состоящего из эксплицированного референта и одного или нескольких контекстно актуализированных референтов (функциональной аналогией является русская конструкция *они с X-ом* 'X и еще одно или несколько лиц, актуализированных контекстом или ситуацией'). Репрезентативность данного типа предлагается называть анафорической. Она предположительно обнаруживается в нескольких языках (**кера**⁷ [чадский], древнеисландский⁸, **гуниянди**⁹ [бунабан, Австралия]) и требует специального дополнительного исследования¹⁰.

В случае, если для изложения несущественно, о каком именно структурном подтипе репрезентативности идет речь, эксплицированный референт называется фокусным референтом (фокусом)¹¹, а неэксплицированные референты – нефокусными референтами репрезентативной формы.

1.3. Ассоциативная множественность. Вернемся теперь к определению собственно ассоциативной множественности. Как было сказано, ассоциатив – это такая

⁶ Панфилов, В.С. Грамматический строй вьетнамского языка. СПб., 1993.

⁷ Ebert, Keren. Sprache und Tradition der Kera (Tschad), Teil III: Grammatik. Berlin: Verlag von Dietrich Reimer, 1979.

⁸ Интерпретация примеров, приводимых в Кацнельсон С.Д. op. cit.

⁹ McGregor, William. A Functional Grammar of Gooniyandi. Amsterdam: John Benjamins, 1990; также личные сообщения.

¹⁰ Представление о репрезентативности этого типа крайне важно при описании местоименной множественности; см. ниже.

¹¹ Ср. R. Austerlitz. Semantic components of pronoun systems: Gilyak // Word 15, 1959; F. Merlan. Wardaman. Berlin: Mouton de Gruyter, 1994.

репрезентативная форма, при комплектации референции которой адресат опирается на представление о том, членом какой устойчивой совокупности является эксплицированный референт. Иначе говоря, ассоциативность определяется как структурная разновидность репрезентативной референции. С другой стороны, нетрудно заметить, что устойчивые совокупности регулярно образуют лишь личные референты: это совокупности, носящие социальный характер, такие, как семья, круг общения и т.п. Более того, если способностью входить в социальную совокупность обладает произвольный личный референт, то неличные одушевленные и неодушевленные объекты социальных совокупностей не образуют. Для неличных референтов никакие совокупности не являются универсальными в том смысле, что любой неличный референт может или должен входить в совокупность такого рода. Асимметрия между “миром” личных и “миром” неличных референтов приводит к тому, что в тех языках, где категория ассоциативности существует, личные ассоциативы являются регулярной грамматической категорией, а неличные ассоциативы отсутствуют или носят спорадический характер (см. ниже о лексических ассоциативах). Мы приходим к выводу о том, что ассоциативность, ранее определенная как структурный тип множественной референции, то есть категория формальная, тяготеет к выражению значений из относительно узкого семантического поля – именно, поля личной коллективности (обозначение замкнутых групп людей). С другой стороны, ассоциативность не является чисто семантической категорией, так как не любая форма личной коллективности будет признана ассоциативом. Так, во многих языках форма множественного числа от фамилии обозначает семью, то есть выражает то же значение, что, например, багвалинская ассоциативная форма; ср.:

saʔit-āri	Саидов-ы
[индивидуальное имя собственное] –PL	[фамилия]-PL
‘семья Саида’	‘семья Саидовых’

При этом багвалинская форма является ассоциативной, а русская – нет, так как каждый из референтов формы *Саидовы* (в общем случае) является Саидовым, но не каждый из референтов формы *saʔitāri* является Саидом.

Таким образом, ассоциативность объединяет в себе семантические и формальные черты, и потому является не просто структурным, а структурно-семантическим подтипом репрезентативности. Первична при этом формальная, а не семантическая составляющая (ассоциативный тип референции с большой степенью вероятности предполагает значение личной коллективности, но не наоборот); случаи ассоциативной референции, которые не связаны с выражением личной коллективности, обсуждаются ниже.

1.4. Языковой материал. В диссертации анализируются данные, полученные автором в ходе работы с носителями (багвалинский [аваро-андийский < нахско-дагестанский], татарский [тюркский], **грузинский** [картвельский], пулар-фульфульде [западно-атлантический < нигер-конго], **сонгай** [нило-сахарский], **пекинский китайский** [сино-тибетский]), а также данные описательных грамматик. В качестве

дескриптивной базы использовалась прежде всего подборка описательных грамматик, используемая проектом WALS (World Atlas of Linguistic Structures), участником которого является автор диссертации. Эта подборка охватывает материалы по двумстам языкам мира, подобранным организаторами проекта исходя в первую очередь из соображений типологической репрезентативности выборки. Благодаря содействию Центра Когнитивной Типологии (Университет Антверпена) и, в первую очередь, Йохана ван дер Ауверы, автору удалось с разной степенью подробности ознакомиться с материалами по более чем девяноста процентам языков выборки WALS.

1.5. Ареальные и генетические наблюдения. В работе приводятся данные по наличию ~ отсутствию ассоциативности в языках мира, которыми располагает автор на момент написания исследования. В рамках выборки WALS ассоциативность сравнительно надежно засвидетельствована описательными грамматиками более чем сорока пяти языков. Не вызывает сомнения, что во многих языках, в том числе в языках выборки WALS, грамматики которых не упоминают ассоциативных форм, ассоциативность в действительности существует¹². В главе делаются предварительные обобщения о распространенности ассоциативности как в генетической (северокавказские, чукотско-камчатские, алтайские, тибето-бирманские), так и в ареальной (наличие ассоциативности в языках Юго-Восточной и Северо-восточной Азии и в языках Кавказа и ее отсутствие в языках Западной Европы) перспективах.

1.6. Формальная типология. Представленная в диссертации формальная типология ассоциативности в значительной степени опирается на данные, собранные и систематизированные Эдит Моравчик¹³.

а) ассоциатив образуется присоединением специализированного морфологического показателя (*dedicated*¹⁴ *associatives*):

брахуи [дравидийский]¹⁵
lumma-ghask
мать-Ass
'мать и ее группа'

б) ассоциатив совпадает с формой аддитивной множественности. (Этот способ является наиболее частым в языках мира и занимает особое положение в типологии ассоциативности.)

татарский

---

¹² Ср. в этой связи характерное замечание Д. Дербишира, эксперта по языку хишкарьяна и автора грамматики этого языка, в личном сообщении Э. Моравчик: "... показатель коллективной множественности *koto* действительно используется в языке хишкарьяна в интересующей вас функции. Я считал такое использование одним из семантических вариантов коллективности и поэтому специально не оговорил его в книге 1985-го года".

¹³ Данные не опубликованы.

¹⁴ Термин *dedicated* в применении к морфологической категории означает, что рассматриваемое значение является единственным или, по крайней мере, базовым значением данного показателя. Термин был предложен Йоханом ван дер Ауверой и Людо Леженом.

¹⁵ Brays, Denys. *The Brahui Language Part I*. Calcutta: Superintendent Government Printing, 1909.

Ahmet-ler
Ахмет-PL
'Ахмет и его группа'

в) ассоциатив совпадает с формой множественного числа посессива:

болгарский
Мари-ин(-)и
Мария-Ass(=Poss-Pl)
'Мария и ее семья'

г) аналитический ассоциатив (сочетание существительного со специальным служебным словом):

рапануи¹⁶
kuá Nua
Ass Имя.Собственное
'Нуа и ее группа'

д) ассоциативная интерпретация сочетания существительного с личным местоимением множественного числа или с существительным с коллективной семантикой:

пекинский китайский¹⁷
Rénzi тамеи
Имя.Собственное они
'Жэнь-цзы и другие'

е) ассоциативная интерпретация сочетания имени существительного с сочинительным союзом без второго сочиняемого¹⁸:

баскский¹⁹
María eta
Мария и
'Мария и другие'

Приводятся также данные нескольких языков с более редкими или уникальными формальными типами ассоциативов и ассоциативных конструкций – например, ассоциативная референция сингулярной ИГ, контролирующей глагол в форме множественного числа (мальтийский **арабский**), или сочетание имени с местоимением 'вы' (тибето-бирманский язык **каях ли**).

Специальное внимание уделяется второму, третьему и пятому типам ассоциативных форм. Синхронное описание третьего и пятого типов сопряжено с определенными проблемами, которые отчасти связаны с предысторией этих форм.

---

¹⁶ Du Feu, Veronica. Rapanui. London: Routledge, 1996. Эта именная группа референтна как минимум на трех лиц.

¹⁷ Неопубликованные данные Э. Моравчик; также Solnit, David B. Eastern Kayah Li: Grammar, Texts, Glossary. Honolulu: University of Hawaii Press, 1997.

¹⁸ Вероятно, более подробное ознакомление с конструкциями этого вида (отмечаемые также в дирбале и **йидине** [пама-ньюнга, Австралия]) покажет, что они принадлежат скорее к сфере анафорической репрезентативности.

¹⁹ King, Alan R. The Basque Language: A Practical Introduction. Reno: University of Nevada Press, 1994.

1.7. Проблемы формальной типологии. Грамматикализация множественного числа посессива в ассоциатив связана в первую очередь с появлением возможности включения референта производящей основы X в референцию формы X-Poss-Pl (ср. русское разговорное *Машкины* ‘члены Машкиной семьи (муж и дети)’ и болгарское *Мариши* ‘Мария и ее семья’). Кроме того, материал славянских языков позволяет высказать предположение, что грамматикализация ассоциативов из посессивов связана с закреплением за субстантивированными посессивами значения родства (ср. русское разговорное *Машкин* в значениях ‘Машкин муж’, ‘Машкин сын’). Следует также отметить, что до тех пор, пока в форме ассоциатива с посессивной предысторией мы отождествляем сегмент, предшествующий показателю множественного числа, как посессивный показатель (например, *-ин-* в форме *Мари-ин-и* ‘Мария и ее семья’ и в форме *Мари-ин* ‘относящийся к Марии, принадлежащий Марии’), мы не можем считать эту форму собственно ассоциативной: основа проанализированной таким образом формы [*Мари-ин*]-и референтна на все элементы обозначаемого ею множества, кроме Марии, в то время как ассоциативная референция должна иметь прямо противоположную структуру²⁰. Таким образом, признание или непризнание болгарской формы, обозначающей семью по имени главы семьи, ассоциативом зависит от анализа структуры референции этой формы.

Еще один проблематичный случай – это сочетание имени с местоимением множественного числа. Если признавать за местоимением лексическую самостоятельность, то приходится делать вывод о том, что референция ко всем элементам обозначаемого множества носит лексический характер (на один элемент референтно существительное, а на остальные – местоимение множественного числа), то есть что конструкция <Имя + Местоимение III Pl> ассоциативом не является. Для того чтобы считать такие сочетания ассоциативами, нужно показать лексическую несамостоятельность, грамматикализованность местоимения в рассматриваемом контексте. Выделяется три признака такой грамматикализации: синтаксическое слияние (местоимение присоединяется к существительному без сочинительного союза), фонетическое слияние (в материальном облике местоимения происходят определенные изменения) и референциальное слияние (референция существительного поглощается референцией местоимения, так что сочетание X + ‘они’ может быть, в частности, референтно на двухэлементное множество – ср. русское *они с Петей [вдвоем]*). Те же соображения применимы и к случаю сочетания имени с существительным с коллективной семантикой.

Особое внимание в диссертации уделено феномену ассоциативной интерпретации показателя аддитивной множественности, характерной в первую очередь для имен собственных и терминов родства (например, багвалинское *waš-āri* ‘сын и его семья’). Одним из возможных способов объяснения этого феномена является предложение считать ассоциативность одной из тех категорий, функционирование которых контролируется так называемой иерархией одушевленности. Согласно этому

---

²⁰ Форма [*Мари-ин*]-и лексически референтна на всех членов совокупности за исключением Марии, в то время как ассоциативная форма ‘Мария’-Ass должна была бы быть лексически референтна только на Марию и более ни на кого.

подходу²¹, чем выше положение субстантива в иерархии одушевленности, тем вероятнее, что форма множественного числа от этого субстантива интерпретируется ассоциативно. В настоящей работе аргументируется отказ от этой точки зрения. Предлагается считать, что ассоциативная интерпретация является средством разрешения конфликта между семантикой имени собственного (не подвергающегося или плохо подвергающегося аддитивной плюрализации) и семантикой грамматического показателя аддитивной множественности. Это позволяет объяснить, почему противопоставление имя собственное ~ имя нарицательное оказывается вне всяких сомнений центральным противопоставлением, обуславливающим ассоциативную реинтерпретацию формы аддитивной множественности.

1.8. Семантическая типология. В диссертации моделируется семантическая типология ассоциативности, то есть рассматриваются семантические типы личной коллективности, выражаемые ассоциативными формами в языках мира. Предпринята попытка категоризации предлагаемых информантами и описательными грамматиками ситуативных интерпретаций ассоциативных форм. В качестве трех базовых семантических категорий ассоциативности выделяется обозначение замкнутых родственных групп (~ 'X и его семья'), неродственных устойчивых совокупностей (~ 'X и его друзья') и комитативности (~ 'X и его спутники'). Обращает на себя внимание связь между семантическими категориями ассоциативности и представлением о пространственной смежности элементов обозначаемого множества. Один из носителей, с которыми работал автор, интерпретировал форму ассоциатива своего языка (пулар-фульфульде) как способ обозначения совместно проживающих лиц, необязательно связанных отношениями родства (например, студенты в общежитии). Трем значениям ассоциативности можно сопоставить три типа смежности: родственным совокупностям – смежность по базовой пространственной атрибуции лица (референты X-Ass проживают вместе); устойчивым неродственным совокупностям – “частотную” пространственную смежность (референты X-Ass часто бывают вместе); комитативным ассоциативам – актуальную смежность (референты X-Ass вместе в текущий момент времени).

Оказывается, далее, что одна и та же ассоциативная форма во многих языках покрывает сразу несколько ассоциативных значений. Например, татарская форма *Ahmet-ler* выражает весь спектр ассоциативных значений – как устойчивые (но не обязательно актуальные) совокупности 'Ахмет и его семья' и 'Ахмет и его компания', так и актуальные (и необязательно устойчивые) совокупности типа 'Ахмет и его спутники'. Подобные ассоциативы предлагается называть мягкими <ассоциативами> (loose associatives). Во многих описательных грамматиках примеры ассоциативности покрывают два значения: 'X и его семья' или 'X и его компания' (например, мейтхей²² [тибето-бирманский]); общим для этих двух значений является постоянный характер группообразующих отношений внутри обозначаемой совокупности лиц. Такие ассоциативы предлагается называть групповыми <ассоциативами> (group associatives). Наконец, в ряде языков формы ассоциативов

²¹ обсуждаемому, например, в Corbett, Greville G. and Mithun, Marianne. Associative forms in a typology of number systems: evidence from Yup'ik // Journal of Linguistics 32, 1996.

²² Chelliah, Shobhana Lakshmi. A grammar of Meithei. Berlin: Mouton de Gruyter, 1997.

могут обозначать только родственные группы (багвалинский, венгерский, грузинский); такие ассоциативы предлагается называть ассоциативами родства (kinship associatives). По-видимому, это и есть три основных семантических типа ассоциативов, встречающихся в языках мира.

Собранные данные позволяют:

а) с большой степенью уверенности говорить о том, что семантические типы ассоциативности линейно упорядочены по степени устойчивости группообразующих отношений {замкнутые родственные группы > неродственные устойчивые совокупности > комитативность}, и предсказывать невозможность ассоциативной формы, которая бы могла обозначать замкнутую родственную группу и комитативность, но при этом не могла бы обозначать устойчивую совокупность неродственного типа;

б) с определенной степенью уверенности предполагать, что любой ассоциатив является либо ассоциативом родства (то есть может обозначать лишь родственные группы), либо групповым ассоциативом (то есть обозначать родственные группы и иные устойчивые совокупности), либо мягким ассоциативом (то есть обозначать как устойчивые, так и актуальные совокупности лиц) и что ассоциативов с иной семантической конфигурацией не существует.

Если эти предварительные наблюдения в дальнейшем подтвердятся на более широком материале²³, то можно будет говорить о том, что прототипическим значением ассоциатива является обозначение замкнутой родственной группы (значение, присутствующее у любого ассоциатива) и что чем менее устойчивыми становятся группообразующие отношения, тем далее мы удаляемся от прототипа ассоциативности. На это же указывает и то, что обозначение родственных групп у мягких ассоциативов по крайней мере в некоторых языках является более частотным (татарский, болгарский).

Обсуждаются возможные корреляции между семантическим типом ассоциатива и способом выражения ассоциативности. Так, во всех известных случаях (славянские, **грузинский**, **венгерский**, возможно также **лезгинский**²⁴) ассоциативы, восходящие к плюрализованным посессивам, являются ассоциативами родства и не могут выражать других ассоциативных значений.

1.9. Лексические ассоциативы. Далее в главе рассматриваются изолированные ассоциативные формы в тех языках, где ассоциативность как продуктивный феномен отсутствует. Такие ассоциативы, в противовес продуктивной ассоциативности, предлагается называть лексическими <ассоциативами>. Лексические ассоциативы

---

²³ Есть данные о существовании форм, специализированных на обозначении актуальных совокупностей лиц 'X и те кто с ним'; эти формы, однако, могут быть сближены с анафорическими репрезентативами.

²⁴ Талибов, Б.Б. К вопросу об ограниченном числе в лезгинском языке // Микаилов, К.Ш. (ред.) Категория числа в дагестанских языках. Махачкала, 1985; Haspelmath, Martin. A Grammar of Lezgian. Berlin: Mouton de Gruyter, 1993.

засвидетельствованы в классических индоевропейских языках²⁵, например, в санскрите.

Разбираются случаи лексических ассоциативов от имен родства (в том числе наиболее широко распространенный в языках мира лексический ассоциатив структуры 'отец'-P1(Du) со значением 'родители', например, испанское *mis padres*), имен собственных (например, латинское *Castores* 'Кастор и Поллукс'; а также характерные для идиолектов окказиональные русские ассоциативы).

Особое интерес для типологии ассоциативности представляют лексические ассоциативы от неодушевленных имен, например, санскритское *āulūkhalā* и 'ступа и пест' (форма двойственного числа образованного от *ulū khala* 'ступа' адъектива; букв. 'два, относящиеся к ступе'²⁶). С точки зрения структуры множественной референции такие примеры несомненно относятся к ассоциативам, хотя и не вписываются ни в один из сформулированных выше семантических типов ассоциативности (это, в частности, подкрепляет тезис о том, что ассоциативность является в первую очередь структурным и лишь во вторую очередь – функционально-семантическим феноменом). Как было сказано выше, ассоциативность может быть продуктивной только в сфере личных имен, так как только личные референты регулярно объединяются в устойчивые совокупности, и именно в этой сфере формируются устойчивые семантические типы ассоциативности. Образование неличных ассоциативов, напротив, не может быть продуктивно, то есть неличные ассоциативы всегда являются лексическими. На санскритском материале можно выделить два типа неличных ассоциативов – функциональные, например, *dr̥ṣṣfādā(u)* 'верхний и нижний мельничный жернова' (букв. форма двойственного числа от *dr̥ṣṣfād* 'верхний мельничный жернов'), и концептуальные, например, *uṣā sā* 'утро и ночь' (форма двойственного числа от *uṣā s* 'утренняя заря'). В качестве термина, обнимающего как функциональные и концептуальные, так и разного рода личные совокупности, предлагается употреблять термин естественная совокупность (natural set).

1.10. Типологические параметры ассоциативности. В главе анализируются типологически устойчивые свойства ассоциативов, которые не выводятся напрямую из определения ассоциативности.

Принцип доминанции фокусного референта гласит, что фокусный референт занимает в пределах обозначаемой ассоциативом совокупности доминирующее положение, является доминантой этой совокупности (принцип сформулирован Э. Моравчик). По существу этот принцип является правилом выбора фокусного референта и аналогичен соответствующему правилу для личных местоимений множественного числа; см. ниже. Мы считаем, что принцип доминанции является одним из проявлений универсальной тенденции к эксплицированию более важной информации в ущерб менее важной. Принцип доминанции может иметь и еще одну функциональную мотивацию: зачастую непосредственная связь между периферийными элементами

²⁵ Delbrück, Berthold. Grundriss der Vergleichenden Grammatik der Indogermanischen Sprachen. 3rd volume. Syntax der Indogermanischen Sprachen, Part 1. Tübner. Strassburg, 1893.

²⁶ Ср. выше ассоциативы, формально тождественные плюрализованным посессивам в болгарском и грузинском языках.

обозначаемой совокупности может отсутствовать или быть слабее, чем связь между ассоциированным элементом и доминантой группы, так что доминанта группы является более удобной “исходной точкой” с точки зрения комплектации референции ассоциатива; поэтому именно она выступает в качестве фокуса обозначаемой совокупности.

Рассматриваются возможные основания доминации:

а) поколение: референт старшего поколения доминирует над референтом младшего поколения (доминация по этому признаку является, по всей видимости, обязательной для ассоциативов родства);

б) пол: референт мужского пола доминирует над референтом женского пола (доминация по этому признаку также характерна для ассоциативов родства);

в) дистанция от точки отсчета (эго, говорящего, адресата): референт, в каком-то отношении более “близкий” к точке отсчета, доминирует над референтом, более далеким от точки отсчета (так, в багвалинском языке ассоциатив, обозначающий семью дочери, образуется от слова *jaṣ* ‘дочь’, а не от номинации главы семьи, как в остальных случаях; в пулар-фульфульде в качестве фокусного референта выбирается лицо, прагматически более близкое одному из локуторов).

Принцип однородности обозначаемого множества, в формулировке Э. Моравчик, гласит, что элементы обозначаемой совокупности должны иметь единую природу (либо все личные, либо неличные одушевленные, либо неодушевленные). Обоснована позиция, согласно которой этот принцип либо тривиален (действительно, продуктивная ассоциативность характерна только для социальных совокупностей, которые тем самым однородны), либо, при более широком понимании ассоциативности, допускает исключения. В качестве таких исключений приводятся эскимосские и санскритские примеры вида ‘дом’-P1 ‘дом и его обитатели’²⁷, которые имеют структуру референции, сходную с ассоциативами или тождественную им.

Кратко обсуждается характерная синтаксическая черта ассоциативов – их неспособность к сочетанию с числительными, прилагательными, актуализаторами; на этом основании проводится аналогия между ассоциативами и именами собственными. Ассоциативы предполагают однозначное отождествление группы; по-видимому, они всегда сильно определены, они являются именем собственным группы. (На это, в частности, косвенно указывает тот факт, что багвалинские ассоциативы, обычно образуемые от мужских имен собственных, по мнению носителей, могут образовываться от женского имени собственного в том случае, когда это облегчает идентификацию семьи, например, когда у мужа слишком распространенное имя.) Поэтому ассоциативы, как и имена собственные, не допускают актуализации и определений.

В ассоциативной форме имя фокусного референта служит точкой отсчета, ориентируясь на которую адресат может идентифицировать обозначаемую формой группу лиц. Представление о фокусном референте как об ориентире,

---

²⁷ Антиассоциативы в терминах Corbett, G. Number. Cambridge University Press, в печати.

референциальном посреднике, через которого осуществляется референция к другим членам совокупности, делает логически возможной ситуацию, при которой сам фокусный референт не включен в референцию ассоциативной формы. Такие формы действительно существуют, например, в пулар-фульфульде; хотя ассоциативы с исключенным фокусным референтом не являются в строгом смысле формами репрезентативной множественности, их (синхронная) производность от стандартных ассоциативных форм не вызывает сомнения. Как представляется, возможность исключения фокусного референта из референции ассоциатива является важной аналогией неканонических употреблений личных местоимений множественного числа – так называемых мы-“докторского” и мы-“родительского”. В связи с феноменом исключения фокусного референта приводятся данные ряда генетически не связанных языков²⁸, в которых топоним X в форме множественного числа принимает значение ‘обитатели X’ – эти формы в целом аналогичны приводимым выше формам типа ‘дом’-Pl ‘дом и его обитатели’ с тем отличием, что из референции формы исключен референт основы (топоним).

1.11. Явления, смежные с ассоциативной множественностью. Сюда относятся так называемые классификаторные термины родства, коррелятивные формы терминов родства и некоторые менее важные случаи.

Классификаторные системы родства принято считать скорее этнолингвистическим, чем грамматическим феноменом. Между тем, формы множественного числа классификаторных терминов родства могут иметь репрезентативную структуру референции и быть близкими к ассоциативности. Так, имеющая классификаторное значение ‘отец и его старшие братья’ форма множественного числа от **суахилийской** лексемы ‘отец’ в единственном числе не может относиться к брату отца (то есть классификаторность оказывается свойством формы множественного числа термина родства, а не самого термина родства). Более сложный случай представляет классификаторность в пулар-фульфульде – лексема *baaba*, во множественном числе имеющая значение ‘отец и его братья’, в единственном числе может значить как ‘отец’, так и ‘брат отца’, так что эту корреляцию, на первый взгляд, можно было бы считать корреляцией аддитивной множественности. Оказывается, однако, что *baaba* получает значение ‘брат отца’ лишь в специальных, маркированных контекстах, а вне этих контекстов значит ‘отец’; можно сказать, что для лексемы *baaba* отец является референтом по умолчанию (default referent). В таком случае, однако, в форме множественного числа референция основы *baaba*- к отцу и к братьям отца неравноправна; такая структура референции занимает промежуточное положение между аддитивной и репрезентативной. Впрочем, с точки зрения семантики, тождественность классификаторного значения с ассоциативностью родства далеко не очевидна, так как классификаторные формы обозначают скорее открытый социальный класс, чем компактную и замкнутую группу родственников.

Еще один интересный случай – это так называемые kinship plurals²⁹, формы, обозначающие двух или более родственников, соединенных определенным отношением родства, и образованные от наименования одного из родственников по

²⁸ Удмуртский [финно-угорский], багвалинский [аваро-андийский], агульский [лезгинский], татарский и башкирский [тюркские], санскрит, **команчи** [юто-ацтекский], нганьгитйемерри [Австралия, не пама-ньюнган], ик [предположительно нило-сахарский], **кера** [восточно-чадский].

²⁹ Также kinship duals, kinship collectives, dyadic kinship terms.

отношению к другому (например, 'дядя'-Показатель = 'дядя и племянник'), известные прежде всего из австронезийских языков, но обнаруживающиеся и в других семьях³⁰. Предлагается называть такие формы коррелятивными формами терминов родства. Эти формы имеют структуру референции, близкую к репрезентативной, и обозначают родственную совокупность, что сближает их с ассоциативами родства. В действительности, однако, имя родства является не только способом обозначения лица, но и названием отношения, и референция ко второму полюсу заложена в его семантику, что существенно отличает референциальную структуру ассоциатива (в том числе ассоциатива, образованного от термина родства) от коррелятивной формы термина родства и приводит к принципиальным различиям в семантике этих форм. Назовем самое важное отличие: форма ассоциатива от термина родства никогда не может включать эго, относительно которого определен этот термин родства (например, 'отец'-Ass = 'отец и мать эго'), в то время как коррелятивная форма термина родства по определению включает эго ('отец'-Corr = 'отец эго и сам эго').

Далее ассоциативность сопоставляется с симулятивной репрезентативностью (см. выше); характерной для форм множественного числа некоторых одушевленных существительных нейтрализацией категории рода (например, *родители* может значить 'родитель и родительница', *племянники* – 'племянник и племянница', но *братья* не может значить 'брат и сестра'); коллективной множественностью.

Вторая глава ("Местоименное число") посвящена категории числа у местоимений и, в частности, типологической характеристике инклюзива. Местоименному числу посвящено значительное число монографий, разделов монографий и статей³¹.

2.1. Репрезентативная модель. Автору настоящего исследования представляется, что адекватную модель местоименного числа может дать только подход, построенный на аналогии с именной репрезентативностью ('мы' = 'говорящий и другие лица' → 'я' ~ 'мы' аналогично Noun ~ Noun-Repr). Как ни странно, из всех известных автору исследований только в работах О. Есперсена, А.Н. Барулина и Э. Моравчик³² эксплицитно сформулирована такая аналогия, причем даже эти работы ограничиваются простой констатацией этой аналогии (точнее, не совсем корректным отождествлением местоименного числа и именной ассоциативности) и не пытаются проанализировать вытекающие из нее следствия.

Репрезентативной моделью местоименной множественности в настоящем исследовании называется следующее допущение: референциальную структуру

---

³⁰ Haidu, Peter. The connective – reciprocal suffix in the samoyed languages // Haidu, Peter. *Samojedologische Schriften*, Szeged 1975 (Studia Uralo-Altaica; VI). Кацнельсон, С.Д. Историко-грамматические исследования. М.-Л.: АН СССР, 1949.

³¹ Назовем только некоторые из них: Forchheimer, P. *The Category of Person in Language*. Berlin, 1953; Бенвенист, Э. *Природа местоимений* // в книге *Общая лингвистика*. М., 1974; Майтинская, К.Е. *Местоимения в языках разных систем*. М.: Наука, 1969; Членова С.Ф. *Категория числа в личных местоимениях* // *Лингвотипологические исследования*. Вып. 1, часть 1. М.: МГУ, 1973; Соколовская, Н.К. *Некоторые семантические универсалии в системе личных местоимений* // *Теория и типология местоимений*. Вардуль (ред.) М.: Наука, 1980; Барулин, А.Н.: op. cit.; Corbett, Greville: op. cit. и многие другие.

³² Есперсен, Отто. *Философия грамматики*. М.: ИЛ, 1958; Барулин, А.Н.: op. cit.; Moravcsik, Edith: op. cit.

местоимения ‘мы’ (‘вы’) можно охарактеризовать как репрезентативную, так как оно “гарантирует” вхождение в свою референцию только одного референта – говорящего (адресата), не конкретизирует другие референты и предоставляет адресату комплектовать референцию исходя из контекста и ситуации; все эти свойства совпадают со свойствами именных форм репрезентативности. Существенное отличие от именной репрезентативности заключается в том, что во многих языках мы не можем разложить личное местоимение множественного числа на лексическую и грамматическую составляющие. Например, английское местоимения *we*, в отличие от форм структуры X-Ass, обсуждавшихся в первой главе, не членится на лексическую основу, референтную только на говорящего, и грамматический аффикс.

Отвечая на поставленный им же самим вопрос о том, почему личные местоимения множественного числа не образуются от соответствующих местоимений единственного числа прибавлением числового показателя и вообще не коррелируют с ними формально, Э. Бенвенист говорит³³, что личные местоимения множественного числа и семантически не являются формами множественного числа – множественному числу соответствует формула ‘X+X+X’, в то время как местоименное число выражается формулой ‘X и другие’.

Расширение типологической базы показывает, однако, что морфология личных местоимений многих языков мира (в первую очередь, языков Юго-Восточной Азии) на деле противоречит презумпции Э. Бенвениста: существуют языки, в которых местоимения множественного числа образуются прибавлением к местоимениям единственного числа показателя именной множественности. Первым важным следствием репрезентативной модели местоименного числа оказывается объяснение этого видимого противоречия. Действительно, по Бенвенисту, местоименная множественность не может выражаться показателем именной множественности, так как местоименная множественность не аддитивна. Но именная репрезентативность также не аддитивна; при этом, как было сказано выше, одним из самых распространенных средств выражения ассоциативности является как раз показатель именной аддитивной множественности. Таким образом, выражение местоименной множественности показателем аддитивной множественности отнюдь не противоречит ее репрезентативному характеру; более подробно механизм репрезентативной интерпретации форм аддитивной множественности был описан выше.

2.2. Типы употреблений личных местоимений. Как и в случае формы именной репрезентативной множественности, перед адресатом стоит задача комплектации референции местоимения: отождествления неэксципированных референтов или выяснения их связи с эксципированным референтом³⁴. Оказывается, что возможности комплектации референции местоимения множественного числа во многом совпадают с типами комплектации репрезентативной референции. Местоимение множественного числа может обозначать устойчивую (*Можете*

---

³³ Бенвенист, Э.: *op. cit.*

³⁴ Эта формулировка чрезвычайно близка к подходу, предложенному в Кибрик А.А. Мы (лингвистические и социоллингвистические наблюдения) // V Всесоюзная школа молодых востоковедов. Тезисы. Том II, лингвистика. М.: Наука, 1989.

поздравить нас с прибавлением!) или актуальную (Ну, мы пошли) замкнутую совокупность лиц и быть тем самым близким к ассоциативам или обозначать открытый класс лиц, объединенных общим свойством (*We the people*), и быть, соответственно, близким к симилитивам. Местоимение множественного числа может интерпретироваться как ‘эксплицированный референт и другие актуализированные референты’ (*Она позвонила в полдень, и мы договорились встретиться через час*) и тем самым сближаться с анафорической репрезентативностью. Важным аргументом в пользу сближения местоименной и репрезентативной множественности являются случаи закрепления за специальной формой личных местоимений множественного числа значения, совпадающего с одним из типов репрезентативности. Так, в узбекском и вепском языках местоимения ‘мы’ и ‘вы’ имеют специализированную притяжательную форму для обозначения принадлежности к устойчивой совокупности лиц (семье, деревне и т.д.; аналогия именной ассоциативности)³⁵, а в некоторых языках отмечены специальные местоименные формы множественного числа, обозначающие лиц, соединенных определенным родственным отношением, например, ‘мы двое, соединенные отношением отец – сын’ (австронезийские языки **капау**³⁶ и сурсурунга³⁷; аналогия коррелятивных форм терминов родства).

С другой стороны, несомненно, что между местоименной множественностью и именной репрезентативностью существуют серьезные различия. Самым распространенным типом репрезентативности у существительных является ассоциативность, в то время как местоимения множественного числа чаще всего, по-видимому, выполняют роль анафорических репрезентативов. У местоимения множественного числа ‘мы’ одной из основных функций является обозначение совокупности ‘говорящий и адресат’, более того, именно эта функция часто закрепляется за специальной местоименной формой – инклюзивом; найти аналогию этой функции у именных репрезентативов, очевидно, невозможно. Личные местоимения множественного числа существуют во всех или в подавляющем большинстве языков (по крайней мере, местоимение ‘мы’) и в большей части языков не поддаются морфологическому анализу; в то же время именная репрезентативность в языке вполне может отсутствовать, если же она существует, то выражается специальными морфологическими показателями или синтаксическими конструкциями.

Репрезентативная модель местоименного числа опирается на тезис о том, что эти расхождения носят более частный характер, чем черты сходства между местоименной и именной репрезентативностью, и должны быть объяснены исходя из референциальной специфики личных местоимений. В работе предпринята предварительная попытка такого объяснения.

2.3. Парадокс второго лица. Локутивные иерархии. Все исследователи сходятся на том, что местоимение ‘мы’ можно истолковать как ‘говорящий и другие’, а

---

³⁵ Майтинская К.Е.: *op. cit.*

³⁶ Oates, W., and L. Oates. *Kapau Pedagogical Grammar*. Pacific Linguistics, Series C, No. 10 Canberra: The Australian National University, 1968.

³⁷ Hutchisson, Don. *Sursurunga Pronouns and the Special Use of Quadral Number // Pronominal Systems*. Wiesemann (ed.) Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1986.

местоимение 'вы' – как 'адресат и другие'³⁸. Это утверждение, однако, не принимает во внимание тот факт, что совокупность лиц, обозначенная местоимением 'вы', не может включать говорящего; этот факт, кажется, должен был бы заставить нас перейти от исходного толкования местоимения 'вы' к толкованию 'адресат и другие, но не говорящий'. Такое толкование, однако, ставит ряд проблем и, в частности, перечеркивает все усилия по сближению местоименной множественности с репрезентативностью. Действительно:

а) в языках без инклюзивного местоимения отношение 'я' ~ 'мы' (= 'говорящий и другие') и отношение 'ты' ~ 'вы' (= 'адресат и другие, но не говорящий') оказываются семантически асимметричны и, как следствие, несопоставимы между собой, а из этого вытекает отсутствие у личных местоимений категории числа в целом;

б) в языках с инклюзивным местоимением местоимение 'вы' оказывается семантически симметричным так называемому эксклюзивному местоимению первого лица ('вы' = 'адресат и другие, но не говорящий' ~ эксклюзив = 'говорящий и другие, но не адресат'), но зато их корреляцию с соответствующими личными местоимениями единственного числа едва ли можно назвать репрезентативной, как и корреляцию местоимения 'вы' = 'адресат и другие, но не говорящий' с местоимением 'ты' = 'адресат' в языках без инклюзива.

Если следствие (б) противоречит только описанной выше репрезентативной модели местоименного числа, то следствие (а) делает необъяснимым существование многочисленных языков с единообразной формальной попарной корреляцией между местоимениями 'я' ~ 'мы', 'ты' ~ 'вы' (не только упоминаемая выше деривация местоимений множественного числа от местоимений единственного числа прибавлением показателя аддитивной множественности, как в языках Юго-Восточной Азии, но и "внесистемные" корреляции типа **юкагирского** *met* 'я' ~ *mit* 'мы', *tet* 'ты' ~ *tit* 'вы') – непонятно, почему двум семантически различным отношениям может соответствовать одно и то же формальное средство. Подчеркнем, что обе эти проблемы возникают именно в связи с появлением в структуре толкования местоимения компонента 'но не говорящий (адресат)'.³⁹

В качестве альтернативы включению этого компонента в описание личных местоимений множественного числа предлагается основанное на локутивной иерархии правило выбора доминанты личной совокупности. В языках без инклюзива правило имеет следующий вид: говорящий доминирует в любой личной совокупности; адресат доминирует в любой совокупности, в которую не входит говорящий, то есть локутивная иерархия, на которой основан выбор фокуса личного местоимения множественного числа, имеет вид {ГОВОРЯЩИЙ > АДРЕСАТ > НЕЛОКУТОР³⁹}. Вспомним теперь принцип доминанции фокусного референта формы именной ассоциативности (см. выше): в качестве фокусного референта всегда

³⁸ В исследовании выдвигается гипотеза о неравноправности двух употреблений местоимения 'вы' – в значении 'многие адресаты' и в значении 'адресат и другие'. Некоторые соображения говорят в пользу признания значения 'многие адресаты' вторичным, производным по отношению к репрезентативной интерпретации 'адресат и другие'.

³⁹ Нелокатором называется любое лицо, не принимающее участие в речевом акте, то есть не являющееся одним из локуторов – говорящим или адресатом.

выбирается доминанта личной совокупности. Такое же правило действует в данном случае – если доминантой группы является говорящий, то он выбирается в качестве фокусного референта, следовательно, употребляется местоимение ‘мы’ (= ‘говорящий и другие’); если доминантой группы является адресат (а значит, в эту группу не входит говорящий – иначе доминантой являлся бы именно он), то в качестве фокусного референта выбирается он и употребляется местоимение ‘вы’ (~ ‘адресат и другие’). Легко видеть, что введение правила выбора фокусного референта позволило вывести элемент ‘но не говорящий’ из структуры местоимения ‘вы’.

Аналогичную модель можно предложить и для языков с инклюзивом, если допустить, что в таких языках правило доминации имеет следующий вид: говорящий доминирует в любой группе, куда не входит адресат; адресат доминирует в любой группе, куда не входит говорящий; в группе, куда одновременно входят и говорящий, и адресат, они оба являются доминантой, то есть локутивная иерархия имеет вид {ГОВОРЯЩИЙ = АДРЕСАТ > НЕЛОКУТОР}⁴⁰. В соответствии с этим подходом инклюзивное местоимение можно определить как местоимение с двумя фокусными референтами – говорящим и адресатом – и условно записывать его как ‘говорящий, адресат и другие’⁴¹. Подчеркнем, что в рамках предлагаемой модели относительная упорядоченность фокусных референтов в этой формуле не отражает никакой языковой реальности; в отличие от нелокуторов, говорящий и адресат являются абсолютно равноправными референтами инклюзивного местоимения⁴². Как и в случае безынкузивных языков, предлагаемая модель выводит компоненты ‘но не говорящий’, ‘но не слушающий’ из структуры личных местоимения ‘вы’ и ‘мы’ (“эксклюзивное”), соответственно.

Местоимение, таким образом, может иметь как один, так и два фокусных референта; для общности я предлагаю говорить о фокусе личного местоимения множественного

---

⁴⁰ О связи между видом локутивной иерархии и наличием в системе местоимений инклюзива см. Филимонова, Е.Ю. К вопросу об иерархическом упорядочивании лиц. Выделенность второго лица. Гипотеза языковой корреляции // Вопросы языкознания, 4, 1997.

⁴¹ Существует и еще один, значительно более редкий тип местоименных систем, отражающих иерархию {ГОВОРЯЩИЙ = АДРЕСАТ > НЕЛОКУТОР}. В североамериканских атапаскских языках, например, **навахо** или **слейве**, местоимения множественного числа не различают значения ‘говорящий и другие’ (= ‘мы’), ‘адресат и другие’ (= ‘вы’), ‘говорящий, адресат (и другие)’ (= инклюзив) – во всех этих случаях используется одно и то же местоимение, которое удобно называть **локутивом**. Локутив определяется как личное местоимение множественного числа, фокусным референтом которого может являться любой из двух участников речевого акта, будь то говорящий или адресат (условная запись ‘локутор и другие’).

⁴² Это соответствует поддерживаемому некоторыми исследователями тезису о некорректности традиционного подхода, определяющего категорию инклюзива как элемент противопоставления эксклюзивное ~ инклюзивное местоимение первого лица (и записывающего соответствующие местоимения как ‘мы без тебя’ ~ ‘мы с тобой’) и по существу опирающегося на ложную посылку об универсальности локутивной иерархии {ГОВОРЯЩИЙ > АДРЕСАТ > НЕЛОКУТОР}. Более того, местоимение, традиционно называемое ‘мы-эксклюзивное’, в рамках предлагаемого в данном исследовании подхода имеет точно ту же структуру референции, что и так называемое ‘мы-нейтральное’ в языках без инклюзива. Поэтому я считаю необходимым не только отказаться от термина инклюзивное местоимение первого лица (заменяя его на термин инклюзив или инклюзивное местоимение), но и признать излишним термин эксклюзивное местоимение первого лица; и мы-“нейтральное”, и мы-“эксклюзивное” можно называть просто ‘мы’ (местоимение первого лица множественного числа).

числа, который в случае инклюзива состоит из двух фокусных референтов, а во всех остальных случаях – из одного фокусного референта.

2.4. “Странные инклюзивы”. Такой подход к описанию личных местоимений множественного числа наводит на вопрос о том, существуют ли языки, в которых система местоимений отражает локутивную иерархию вида {АДРЕСАТ > ГОВОРЯЩИЙ > НЕЛОКУТОР}⁴³, то есть одно местоимение или местоименный показатель используется для обозначения любой личной совокупности, в которую входит адресат (в том числе и такой, в которую кроме адресата входит и говорящий), а другое местоимение или местоименный показатель используется для обозначения такой личной совокупности, в которую входит говорящий, но не входит адресат:

русский	{говорящий и ...}	{говорящий и адресат (и ...)}	{адресат и ...}
аварский	{говорящий и ...}	{говорящий и адресат (и ...)}	{адресат и ...}
?	{говорящий и ...}	{говорящий и адресат (и ...)}	{адресат и ...}

Оказывается, в ряде языков иерархия {АДРЕСАТ > ГОВОРЯЩИЙ > НЕЛОКУТОР} используется по крайней мере на уровне выбора морфологических показателей; в качестве примера приведу личные местоимения алгонкинского языка восточный оджибуэй [Северная Америка]: *n-i-nu-wi* ‘мы’ (“эксклюзивное”), *k-i-nu-wi* инклюзив, *k-i-nu-wa* ‘вы’; ср. *n-i-n* ‘я’, *k-i-n* ‘ты’⁴⁴. Ту же иерархию отражают личные префиксы других алгонкинских языков, в том числе языка **долинный кри**, а также местоименные основы в африканских языках **нама**⁴⁵ и кхо-кхо [койсанский] и личные суффиксы в центрально-американском языке **отоми** [отомангский]⁴⁶. В некоторых языках острова Сулавеси иерархия {АДРЕСАТ > ГОВОРЯЩИЙ > НЕЛОКУТОР} действует при переключении в вежливый регистр (конджо, макаassarский, бугийский)⁴⁷. Наконец, дескриптивная грамматика амазонского языка **санума**

⁴³ О типологическом разнообразии локутивных иерархий см. особенно Кибрик, А.Е. Иерархии, роли, нули, маркированность и “аномальная” упаковка грамматической семантики. Вопросы языкознания, №4, 1997.

⁴⁴ *-i-n(u)-* - основа личных местоимений во всех лицах и числах; см. Bloomfield, Leonard. Eastern Ojibwa. Ann Arbor: UMP, 1956. Как видно из приведенных форм, выбор лично-числовых суффиксов *-wi*, *-wa* отражает более привычную иерархию {ГОВОРЯЩИЙ > АДРЕСАТ > НЕЛОКУТОР}: *n-i-nu-wi* ‘мы’ (“эксклюзивное”) и инклюзив *k-i-nu-wi* содержат один и тот же суффикс *-wi*, будучи по этой позиции противопоставлены *k-i-nu-wa* ‘вы’.

⁴⁵ Например, Hagman, Roy S. Nama Hottentot Grammar. Research Center for Language and Semiotic Studies. Bloomington: Indiana University, 1977.

⁴⁶ Hekking, Ewald. Gramática Otomí. Universidad Autónoma de Querétaro.

⁴⁷ Эрик Зобель, в личном сообщении, привел данные бугийского [южносулавесийский < австронезийский] и указал на работу Friberg, Barbara. Konjo’s peripatetic person markers // Papers in Austronesian Linguistics No.3. Pacific Linguistics A-87. Смена иерархии {ГОВОРЯЩИЙ > АДРЕСАТ > НЕЛОКУТОР} на иерархию {АДРЕСАТ > ГОВОРЯЩИЙ > НЕЛОКУТОР} в вежливом регистре представляется

[яномам]⁴⁸ утверждает, что в этом языке инклюзивное местоимение материально совпадает с местоимением ‘вы’; изъяны такого описания очевидны, ибо по аналогии можно сказать, что в русском или английском языке существуют два материально тождественных местоимения – ‘мы’-“эксклюзивное” и инклюзив. В свете предлагаемого подхода очевидно, что инклюзивного местоимения в языке санума просто нет, а есть два традиционных местоимения ‘мы’ = ‘говорящий и другие’ и ‘вы’ = ‘адресат и другие’, выбор между которыми контролируется иерархией интересующего нас вида – {АДРЕСАТ > ГОВОРЯЩИЙ > НЕЛОКУТОР}. Иначе говоря, инвентарь личных местоимений санума совпадает с инвентарем личных местоимений, например, русского языка; эти языки различаются не семантикой местоимений, а способами их употребления, причем расхождения в последних обусловлены использованием двух разных локутивных иерархий.

2.5. Инклюзив и число. Иногда местоименные системы различают два инклюзивных местоимения ‘говорящий и адресат’ и ‘говорящий, адресат и другие’ (ядерный инклюзив vs. расширенный инклюзив⁴⁹, соответственно). В некоторых из таких языков возникает проблема категориальной характеристики ядерного инклюзива. Ядерный инклюзив часто оказывается единственным представителем категории двойственного числа; в языках с полной парадигмой двойственного числа может существовать единственное местоимение тройственного числа – инклюзив тройственного числа ‘говорящий, адресат и еще одно лицо’. Более того, если число местоимений маркируется морфологически, числовая маркировка инклюзивных местоимений в таких языках оказывается парадоксальной (см. в схеме формы в квадратных скобках). Ср. такие системы в традиционном описании (третье лицо для краткости опущено):

SINGULAR	DUAL	PLURAL
1SG		1PL
	Incl _{яд}	Incl _{расш} [Incl _{яд} -PL]
2SG		2PI [2SG-PL]

SINGULAR	DUAL	TRIAL	PLURAL
2SG	1DU [1SG-DU]		1PL [1SG-PL]
	Incl _{яд}	InclTri [Incl _{яд} - DU]	Incl _{расш} [Incl _{яд} -PL]
2SG	2DU [2SG-DU]		2PL [2SG-PL]

В ряде работ⁵⁰ предлагается единственное, по-видимому, приемлемое решение этой проблемы – считать, что ядерный инклюзив в таких языках принадлежит тому же парадигматическому ряду, что местоимения ‘я’, ‘ты’, расширенный инклюзив – тому же ряду, что ‘мы’, ‘вы’, тройственный инклюзив ‘говорящий, адресат и еще одно лицо’, если таковой имеется, – тому же парадигматическому ряду, что неинклюзивные местоимения двойственного числа. Местоименные парадигмы при

более чем естественной; отметим, однако, неоднозначность интерпретации этого материала, связанную с тем, что выражение местоименного числа в рассматриваемых языках факультативно.

⁴⁸ Borgman, Donald M. Sanuma // Desmond C. Derbyshire and Geoffrey K. Pullum, ed., *Handbook of Amazonian Languages 2*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1990.

⁴⁹ Ср. близкое противопоставление ‘мы’-инклюзивное ~ ‘мы’-суперинклюзивное в Соколовская Н.К.: *op. cit.*

⁵⁰ Gunklin, Harold C. *Lexicographical treatment of folk taxonomies // Problems in Lexicography*, Householder and Saporta (ed.) Bloomington: Indiana University, 1962; Greenberg, Joseph H. *The first person inclusive dual as an ambiguous category. Studies in Language 12*, 1988; McKay, Graham R. *Pronominal person and number in Rembarrnga and Djeebana // Oceanic Linguistics*, Vol. XVII, No.1. 1978.

этом “складываются” таким образом, что пустых клеток в таблице не остается. Это меняет и природу самой категории; вместо традиционного противопоставления SINGULAR ~ [DUAL ~] TRIAL, Г. Гонклин et al. предлагают для таких языков противопоставление RESTRICTED ~ [UNIT-AUGMENTED ~] NON-RESTRICTED (точно переводящееся в наши термины ФОКУС ~ [ФОКУС И ОДИН НЕФОКУСНЫЙ РЕФЕРЕНТ ~] ФОКУС И НЕФОКУСНЫЕ РЕФЕРЕНТЫ). Тогда оказывается вполне естественным, что форма с категориальным значением [ФОКУС И ОДИН НЕФОКУСНЫЙ РЕФЕРЕНТ] в первом (“эсклюзивном”), втором и третьем лицах, фокус которых включает одно лицо, обозначает группу из двух лиц, а в инклюзиве, фокус которого включает двух лиц, обозначает группу из трех лиц (аналогично для формы [ФОКУС И НЕФОКУСНЫЕ РЕФЕРЕНТЫ]).

Подход Г. Гонклина жестко отграничивает системы с такой категорией “псевдочисла” от более привычных “числовых” местоименных систем, где инклюзив двойственного числа соседствует с двойственным числом местоимений первого (“эсклюзивного”) и второго лиц; согласно этому подходу, в одном случае мы имеем дело с числом, а в другом – нет⁵¹. Представляется, что репрезентативный подход позволяет важным образом скорректировать эту точку зрения.

Действительно, не только в “псевдочисловых”, но и в “числовых” местоименных системах мы имеем дело не с аддитивной, а с репрезентативной структурой множественной референции. Разница заключается лишь в том, что в одном случае количественная характеристика опирается на численность обозначаемой группы в целом, а в другом – на наличие нефокусных референтов (иногда также на их численность). Такая дихотомия местоименных систем находит важнейшую аналогию в области именной репрезентативности. Два наиболее распространенных морфологических типа ассоциативности – это выражение ассоциативности показателем аддитивной множественности, сохраняющим функцию количественной характеристики обозначаемой ассоциативом группы (например, санскр. *Mitrā* ‘Митра’-DU ‘Митра и Варуна, вдвоем’) vs. выражение ассоциативности специальным показателем (например, нгийамбаа [пама-ньюнга, Австралия] *Mamie*_{ИмяСобств}-*gam*_(суф. имен собств.)-*bula*_{Ass} ‘Мамаи и еще один человек’⁵²). В последнем случае приписывать показателю “одноэлементной” ассоциативности *-bula* функцию количественной характеристики обозначаемого множества нет никаких оснований; очевидно, он просто указывает на наличие одного ассоциированного референта. С другой стороны, в отличие от местоименной множественности, в сфере именной репрезентативности мне неизвестны достоверные случаи фокуса, состоящего из двух референтов, так что такие очевидные расхождения между ассоциативностью и ассоциативной множественностью, как в случае рассмотренных выше местоименных систем, для именных репрезентативов не засвидетельствованы.

Иными словами, мы предлагаем считать, что и в “числовых”, и в “псевдочисловых” местоименных системах мы имеем дело с одной и той же категорией, которую можно называть местоименным числом (местоименной множественностью). Выражение этой категории может, однако, принимать различные парадигматические формы: оно может быть ориентировано либо на количественную характеристику референции

⁵¹ Впрочем, категория [RESTRICTED] ~ [NON-RESTRICTED] в любом случае может быть признана количественной.

⁵² Donaldson, Tamsin. Ngiyambaa. London – New York: Cambridge University Press, 1980.

местоимения в целом (количественно ориентированное местоименное число), либо на наличие (и в отдельных случаях количество) нефокусных референтов (репрезентативно ориентированное местоименное число).

В отличие от Г. Гонклина и его последователей, выделяющих репрезентативно ориентированные местоименные системы лишь как подмножество тех местоименных систем, в которых присутствует противопоставление ядерного и расширенного инклюзива, автору представляется целесообразным проведение этого противопоставления в более широкой типологической перспективе, в идеале покрывающей все возможные местоименные системы. В диссертации осуществлена предварительная попытка такой экстраполяции.

Распространение противопоставления количественно ориентированных и репрезентативно ориентированных местоименных систем на языки, не противопоставляющие ядерный и расширенный инклюзив, позволяет ответить на очень важный вопрос о природе обнаруживаемой в таких языках парадигматической асимметрии инклюзивного местоимения. Если принять, что местоименная множественность является по сути множественностью репрезентативного типа, то встает сразу несколько вопросов: почему в большинстве языков инклюзив не отличает репрезентативное значение расширенного инклюзива ‘говорящий, адресат и другие’ от ядерного инклюзива ‘говорящий и адресат’? какое числовое значение приписывать в таких языках инклюзиву (традиционно его относят к местоимениям множественного числа; но с точки зрения репрезентативного подхода, казалось бы, в разных контекстах он выступает в значении то единственного, то множественного числа)? почему в некоторых языках инклюзив морфологически является местоимением множественного числа (**пекинский китайский**), хотя он может обозначать только фокус ‘говорящий и адресат’ без нефокусных референтов и принадлежать, тем самым, к тому же ряду, что местоимения ‘я’ и ‘ты’? Разрешить все эти вопросы можно отнесением систем такого типа к количественно ориентированным. Действительно, если местоименное число количественно ориентировано, то оно не будет отличать значение расширенного инклюзива от значения ядерного инклюзива, так как в любом случае обозначаемая совокупность содержит более одного лица и форма автоматически соотносится с местоимениями множественного числа.

В третьей главе диссертации (“Конструкции с поглощенным референтом”) разбирается **русская** конструкция вида $мы_{i,j}$ с тобой_j, в которой референция второй составляющей именной группы входит в референцию ее первой составляющей; это явление я предлагаю называть поглощением референта. Разбираются условия, при которых поглощение становится возможным: личное местоимение в вершине ($они_{i,j}$ с Колей_j, но * $дети_{i,j}$ с Колей_j) и ограничения на взаимное положение референтов на локутивной иерархии ($мы_{i,j}$ с ним_j, но * $они_{i,j}$ со мной_j). Далее, на основании формальных свойств контекста, употребления предлога с подразделяются на комитативные (Коля пошел в кино с Леной, Мы дружим с Васей) и псевдосочинительные (Коля с Леной пошли в кино, Мы с Васей дружим). Показано, что поглощение референта возможно только в псевдосочинительных с-контекстах.

Многочисленные типологические параллели, собранные Л. Шварц, М. Хаспельматом⁵³ и самим автором, показывают, что и в других языках поглощение референта возможно только в том случае, если в вершине именной группы находится личное местоимение. В связи с этим выдвигается модель феномена, основанная на репрезентативном характере множественной референции личного местоимения: конструкция с поглощенным референтом употребляется тогда, когда необходимо эксплицировать один (или несколько, или все) из нефокусных референтов личного местоимения множественного числа (*мы* 'говорящий и другие' → *мы с тобой, мы с вами, мы вдвоем с Петей*).

Если способность к поглощению референта является свойством репрезентативного характера местоименной множественной референции, то этой способностью должны обладать также именные формы репрезентативной множественности; приведены некоторые примеры такого рода (санскрит, амазонский язык **хишкарьяна**, в определенном смысле также австралийские пама-ньюнга языки дирбал и **йидин**)⁵⁴.

Существование таких примеров не делает менее очевидным следующее наблюдение: поглощение референта типологически несравнимо более характерно для личных местоимений множественного числа, чем для именных форм репрезентативной множественности. В главе предложено вероятное объяснение такой асимметрии. При обозначении группы лиц – нелокаторов у говорящего всегда есть выбор между различными типами множественной референции – аддитивной, репрезентативной, сочинительной. Говорящий выбирает форму репрезентативной множественности ('Коля'-*Rep* = 'Коля и другие') в том случае, если он по какой-то причине считает коммуникативно излишним индивидуализировать все элементы совокупности. Если же такая индивидуализация представляется ему необходимой, он может выбрать сочинительную множественность (*Коля, Вася и Саня*) или актуализированную форму аддитивной множественности (*эти мальчики*), так что возможность поглощения референта в случае именной репрезентативности оказывается излишней.

Очевидно, что в случае совокупности, в которую входит один из локаторов, аддитивная множественность невозможна в принципе. Но в русском языке и сочинительные конструкции типа *я и ты, ты и он* тоже возможны только в редких контекстах (ср. *Ты да он, вот все мои друзья, Об этом будем знать только ты и я, но ??? Я и он были там сегодня вечером*), то есть для обозначения группы, в которую входит локатор(ы), в подавляющем большинстве случаев используется репрезентативная форма – личное местоимение множественного числа, и все локативно не доминантные элементы такой совокупности остаются неэксплицированными. Предположительно, именно в таких языках возникают конструкции с поглощенным референтом, которые служат для преодоления стоящей перед адресатом проблемы комплектации референции личного местоимения путем вторичной, эксплицитной референции к одному или нескольким недоминантным элементам совокупности. Эта гипотеза требует проверки на широком типологическом материале.

---

⁵³ Schwartz, Linda. Plural Pronouns, coordination and inclusion // Papers from the 10th Regional Conference on Language and Linguistics. Dept. of Linguistics, University of Minnesota. April 1985. Haspelmath, Martin. Coordination. To appear in Shopen, Timothy (ed.) Language typology and linguistic description, 2nd ed. Cambridge: CUP

⁵⁴ Relational dual / plural в терминах Corbett, G.: op. cit.

По теме диссертации соискателем опубликованы следующие работы:

1. Конструкции с поглощенным референтом: об одном типе употреблений предлога “с” // Труды Международного семинара "Диалог-98" по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Казань, 1998. Т. 1. с. 183-196.
2. Семантические типы ассоциативности (на материале багвалинского языка) // Типология и теория языка: от описания к объяснению. К 60-летию А.Е. Кибрика. Е.В. Рахилина, Я.Г. Тестелец (ред.) М.: Языки русской культуры, 1999. с. 362-370.
3. The associative approach to plural pronouns (with special reference to ‘strange inclusives’ // Abstracts of the International Conference on ‘Cognitive Typology’. Antwerpen: UIA, 2000. p. 6.